

Цинь Цзюнь выпила лекарство, натянула одеяло и легла, погрузившись в раздумья. Затем вдруг вскочила:

— Где находится храм предков?

Цзиньсю удивилась:

— Принцесса?

— Хочу возжечь благовоние для моей матери, — сказала Цинь Цзюнь.

Слуги не посмели послушаться. Перед тем как впасть в беспамятство, шестая принцесса узнала от недоброжелателей правду о смерти своей матери, что и повергло её в такую горе, что она три дня не приходила в себя. Теперь, очнувшись, она пожелала навестить родовой храм — это было вполне естественно.

Храм предков был величав и безмолвен. Внутри горели негасимые лампы, освещая поминальные таблички десяти императоров и восемнадцати императриц династии Цинь-Чжоу, а также некоторых особо отличившихся сановников прежних лет.

Цинь Цзюнь приняла из рук Цзиньсю благовония, поклонилась перед табличкой почившей императрицы — своей матери Ли Юэин — и затем знаком велела служанкам удалиться, сказав, что хочет побыть одна.

Цзиньсю кивнула, распорядилась внести несколько жаровен и осталась караулить у двери.

— Эх...

Цинь Цзюнь тяжело вздохнула, глядя на табличку Ли Юэин. Думала-думала, стоит ли поставить табличку и для шестой принцессы, да и осталась ли та душа ещё в этом мире.

— Ты умерла, а на твоё место пришла я. Что я могу сделать? — пробормотала она. — Я, человек из будущего, месяцами наблюдала живую за резнёй, и то, что не сошла с ума и не начала орать на тебя, — уже большое дело. А теперь очнулась и стала тобой. Неужели я должна помочь тебе вернуть страну?

Из-за жаровен Цзиньсю приоткрыла два окна для проветривания, и теперь ветер, врываясь внутрь, заставлял тысячи свечей трепетать и шуметь.

— Ты здесь? — Цинь Цзюнь, закутанная в меховую накидку, сидела на коленях на циновке и смотрела на колышущиеся язычки пламени. — Могу ли я вернуться обратно?

Ветер мгновенно стих, и свечи замерли.

Цинь Цзюнь: «...»

— Тогда я защищу твои земли.

Свечи вновь заколебались.

Цинь Цзюнь:

— Ладно, не стоит.

Вокруг воцарилась гробовая тишина, воздух словно промёрз.

Цинь Цзюнь произнесла бесстрастно:

— Я и так должна была умереть. Рак четвёртой стадии. Я уже давно смирилась. Попасть сюда — значит лишь протянуть ещё несколько лет. Смерть — не страшно.

Свечи слегка дрогнули, словно утешая её. Цинь Цзюнь уставилась на них и пробормотала:

— Всё равно как-то жутковато.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? Прямо сейчас отправиться убить Цзи Сы в борделе? — спросила она.

Свечи то замирали, то колебались, будто тоже пребывали в нерешительности.

— Исторические циклы гласят: разделённое рано или поздно объединится, а объединённое — разделится. Ты и сама понимаешь: Цзи Сы — всего лишь орудие в руках Цзяна. Не будь её, Налань Цо воспитал бы кого-то другого. В конце концов Цинь-Чжоу всё равно падёт, — сказала Цинь Цзюнь.

Свечи не двигались. На алтаре, где хранилась история Цинь-Чжоу, длиной в сотни лет, все словно взирали на неё свысока.

Лёгкий вихорь обвил её. Цинь Цзюнь опустила взгляд, разглядывая свои руки — тонкие, «как луковичные побеги», нефритовые руки шестой принцессы, теперь принадлежавшие ей. Её грудь была тёплой, сердце билось сильно, во всём теле не чувствовалось ни боли, ни хвори. Тело было стройным, но не истощённым, сохраняло лёгкую подростковую незрелость и нежность.

Это было юное, полное жизни тело. И главное — ей всего четырнадцать, впереди ещё уйма времени, которое можно растратить впустую.

— А жить-то я всё равно хочу, — сказала она себе под нос. — Я твержу, что хочу умереть, но когда дело доходит до края, всё равно цепляюсь за жизнь, даже самую жалкую.

Свечи мигнули.

— Что же мне делать? — спросила она себя.

Лёгкий ветерок лишь обвевал её. Дух шестой принцессы не мог дать ответа.

Снег укутывал землю одеялом. Скоро наступят новогодние праздники, повсюду уже развешаны украшения и зажжены фонари. Белизна снега и теплота красного света создавали картину мира и процветания.

В зимние месяцы не было ни полевых работ, ни недостатка в пропитании. Сытые и довольные жители Верхней столицы предались развлечениям. В «Нефритовом тереме», чей бизнес был на подъёме, матушка Фан была вне себя от ярости.

— Бейте её до смерти! — задыхаясь, кричала матушка Фан, опираясь на колени. — Неблагодарная тварь! И ещё думает сбежать! Я потратила сотни лян, чтобы купить тебя, годами кормила и растила, вкладывала душу — а ты, выходит, окрепла и возомнила о себе? Прибью сегодня же эту скотину!

Пинь-нян выдохнула белое облачко, сдавленно кашлянула, выплюнула кровь и грузно шлёпнулась в грязь. Её стан был тонок, даже утеплённая куртка не скрывала хрупкости. Она сидела, скособочившись, изгибаясь, чёрные волосы рассыпались по спине, делая её вид ещё более жалким и трогательным.

Слуги-мужчины не решались поднять руку, переминаясь на месте.

— Матушка Фан... это...

Матушка Фан пришла в неистовство:

— Ах вы, думающие только тем местом! Проклятые ублюдки! Лучше бы я скотину держала! Прочь, я сама!

Она закатала рукава, вцепилась в волосы Пинь-нян, заставив ту поднять лицо, и отвесила ей две пощёчины — по каждой щеке.

— В одежде служанки, а лицо ещё и грязью вымазала? Видно, твёрдо вознамерилась сбежать.

— Подлая тварь! — Матушка Фан занесла руку, её лицо исказилось. — Сейчас я так отделаю тебя, что и пошевелиться не сможешь!

Пинь-нян повернула голову. На её алых губах повисла капля крови, а взгляд, холодный и злобный, уставился на матушку Фан.

Та, встретив этот взгляд, опешила. Пинь-нян, Пинь-нян... Каждое её движение, каждый вздох были прекрасны. Это имя она дала ей сама. Это лицо, эти черты — даже за пять лет к ним невозможно привыкнуть.

Матушка Фан опомнилась.

— Скоро твой день, когда тебя представят. Лица я трогать не буду.

Она усмехнулась, велела приблизить фонарь, чтобы осветить её лицо, прекрасное, как нефрит.

— Истинно: лик — как у Гуаньинь, а сердце — змеиное. Я растила тебя пять лет, надеясь на доход с этой красоты, а ты, неблагодарная тварь, вознамерилась сбежать!

Матушка Фан скомандовала:

— Тащите её обратно в терем и швырните в конюшню! Смотрите только, чтобы не околела!

Цзи Сы в конюшне избили снова. Всё тело, кроме лица, было исполосовано ранами, кровь залила снег. Через некоторое время пришла старуха и накормила её «порошком пяти минералов». Этот порошок, ледяной яд, мог временно поддержать жизнь, но при частом употреблении приводил к мучительной смерти.

Цзи Сы лежала в конюшне, её глаза были пусты, как высохший колодец. Она пребывала в забытии, не ведая, день сейчас или ночь. Лошади, видимо, сжалившись, носили ей в зубах

сухую траву и сбрасывали на тело. Так, изредка получая порцию «пяти минералов», Цзи Сы, вся пропахшая гнилью, с покрывающейся язвами кожей, через три-пять дней... всё ещё не умерла.

Авторская заметка:

Весь текст — вымысел, не стоит искать исторических соответствий.

Продолжение: «Какой у тебя запах информационного поля?» или «Покорность».

Гу Нуань — омега, страдающая «синдромом святой». Её страсть — помогать другим. Она всегда тщательно скрывала свой секрет.

Гу Цзинь — дочь «белой луны» Гу Чэнъе. Безродная, непризнанная, она всегда жила в деревенском поместье семьи Гу. После смерти «белой луны» Гу Чэнъе забрал Гу Цзинь к себе.

В доме Гу начался переполох. Родственники и друзья гадали, не является ли Гу Цзинь незаконнорожденной дочерью Гу Чэнъе, а Гу Нуань и вовсе не скрывала своей неприязни.

—

Собака Гу Цзинь пропала. Дождь лил как из ведра. Гу Цзинь, ещё не прошедшая дифференциацию, сидела на траве, опустив голову, подобно худому и хищному ястребу.

Гу Нуань подошла и прикрыла её зонтом.

Гу Цзинь подняла лицо. По нему струилась вода — то ли дождь, то ли слёзы. Её взгляд был мрачным, она разгадала секрет Гу Нуань.

Гу Нуань смотрела на Гу Цзинь. То чувство переполняющего желания помочь и одновременно приказать, что исходило от неё, одновременно волновало и пугало Гу Нуань. Она слегка задрожала — начинался приступ — и сказала:

— Тебе помочь?

—

Неподалёку кучка бездельников искала, чем бы себя позабавить.

— Что, уже нечем заняться? А как насчёт Гу Цзинь? — услышала Гу Нуань.

Гу Цзинь, вынырнув из темноты, обхватила Гу Нуань сзади, железной хваткой сжав её подбородок.

— Помоги мне.

Но Гу Нуань, приняв её, спросила:

— Твой... информационный фон, какой он на вкус?

Гу Цзинь нахмурилась:

— Я бета.

Но Гу Нуань обвилась вокруг неё, как омега вокруг альфы, с пылающими щеками и ушами:

— Дай попробовать.

Позже, когда Гу Цзинь дифференцировалась в альфу, её требования стали ещё наглее.

— Нет... — сказала Гу Нуань.

Гу Цзинь медленно обнажила клыки. Она знала: Гу Нуань не сможет отказать.

— Моё солнышко, помоги мне.

Гу Нуань запрокинула шею:

— Только... никому не говори.

Гу Цзинь:

— В этот раз... попробуем по-другому.

Омега почувствовала вкус информационного поля — вкус падающего снега, оседающего на её нежных, розовых, как бутон, губах.

—

Дорогие читатели, начинается новая история! Оставляйте комментарии!

Глава вторая

Выход из дворца

—

— Во сне я видела Цзи Сы лишь однажды, после падения города больше не встречала.

Согласно книге, Цинь-Чжоу не оправилось от удара, но на деле это был результат долго копившихся в государстве болезней...

Языки пламени заколебались, словно отвечая на анализ Цинь Цзюнь.

— ...Убей её — появится другой. До того как Цзян нападёт, будет ещё один кризис с юаньцами.

— Цинь Цзюнь провела рукой по лбу. — Я не справлюсь. Отпусти меня обратно.

<http://bllate.org/book/16274/1465019>